

Бог и справедливость

Должны ли мы поступать справедливо? Конечно, должны. А вправе ли мы требовать справедливости от Бога? Нет. Такого права у нас нет...

Руте Ванагайте, которая описала геноцид евреев в Литве, задали вопрос: «Где был Бог во время Холокоста?» «Знаете, где был Бог? У меня есть ответ, - сказала Руте. - Жертвы Холокоста действительно знали его. Бог был рядом с ними. Он был в теле этих людей. Бог страдал так же, как и они».

У Зинаиды Александровны есть такое стихотворение:

В муке я не одна. Ты страдаешь со мной.

Мы с Тобою пронизаны нитью одной.

Моя бедная плоть – не моя, а Твоя.

Ты страдаешь во мне, когда мучаюсь я.

Создавая наш мир, Ты наполнил его

Всем Собой, не оставив Себе ничего.

Отделённой от нас плоти более нет.

Ты есть только лишь Дух, Ты есть только лишь Свет.

Я – Твоя, Ты от мук моих неотделим,

Но Твой огненный Дух, пусть Он будет моим!

Бог был бы несправедлив только в том случае, если бы Он с одними людьми делился Своим огненным Духом, а с другими – нет. Но Он делится со всеми, однако не все готовы принять Его дар. Вместо дара мы хотим получить духовные гарантии, несгораемую страховку. Если я буду следовать религиозным инструкциям, то пусть и Бог выполняет свою часть контракта.

Именно так рождается образ Бога, который не справился со своими обязанностями. Именно так зарождается атеизм.

Все мы знаем, что значит бороться за справедливость. По сути, это значит дать отпор злу. И, иногда, это действительно нужно сделать. А потом снова вернуться в обитель покоя и света. Тот, кто завяз в борьбе за правое дело, может сотворить из *справедливости* кумира...

Прошло уже лет двадцать с того случая. Посреди ночи я услышал крик «Помогите!». Я слез со второй полки, дошел до середины выгона и увидел как амбал душит подушкой пожилую женщину. Я набросился на него. Завязалась драка. От оттеснил меня к титану с кипятком, и в этот момент в вагон зашел еще один здоровяк. Первый амбал, обратившись ко второму, закричал: «Паша, он ударил меня!». Паша, стоявший за моей спиной, пребывал в растерянности, а я настаивал на том, что бы выйти в тамбур и там разобраться. Видимо, я решил справиться с обоими гигантами. Все это напоминало страшный сон. Еще пару минут тому назад я спокойно лежал на своей полке. В ситуацию вмешалась проводница. Она и вытолкала меня в соседний вагон, как главного зачинщика. Видимо, это меня и спасло. Другая проводница приютила меня в своем купе. Обработала перекисью ссадины. Тут я услышал как мимо купе, в котором я сидел, пробежала толпа крупных мужиков. Проводница сказала: «Тебя ищут». «А кто это?» - спросил я. «Баскетболисты. Хоккеисты ехали - тихо было». Через какое-то время я вернулся на свое место, лег и стал себе представлять как меня, наверное, выбросят из поезда. Но вместо баскетболистов явился начальник поездной бригады. Вместе с ним уполномоченный из линейного отдела. Составили протокол. Милиционер спросил меня: «Как все было?» «Я услышал крик, подошел. Мужчина душил женщину подушкой. Я ему врезал». «Нет, нет, нет, - закачал головой милиционер. – Вы сделали ему замечание, на которое он не отреагировал». Милиционер гадал, спортсмен-дебошир был только пьян или успел уколоться? В Арзамасе спортсмена сняли с поезда. Мы тронулись и через какое-то время резко остановились.

Баскетболисты срывали стоп-кран пять раз. Не хотели оставлять своего товарища в Арзамасе. Вот такую веселую ночку я всем устроил. Я всегда хотел, чтобы людям со мной было легко. Но так не всегда получается.

Я отделался сломанным ребром. Наркоман тоже вышел сухим из воды. Уголовному делу ход не дали. Ведь заявителем должен был выступить я. С той женщиной баскетбольная команда как-то договорилась...

Справедливость. Обострённое чувство справедливости. Закон, перед которым все равны. Всё это хорошо. Но справедливость кровавая добродетель. Об этом ни раз говорила Зинаида Александровна. Померанц писал о *скорой* и *медленной* помощи. Тогда, в поезде, потребовалась скорая помощь. По крайней мере, я понял это так. Но можно ли оказать медленную помощь, только тем и занимаясь, что восстанавливая справедливость? Думаю, что нет. Здесь требуется нечто большее.

У справедливости есть еще одна сторона. Порою очень тяжело понять, где заканчивается справедливость и начинается месть. И как вообще отличить справедливость от мести?

Там, где есть справедливость, есть и Бог, но там где есть Бог, нет ничего кроме Бога... Там где есть Бог, там нет справедливости, какой мы ее себе представляем. Я специально заострил это противоречие. «Есть Истина, которая поется,/ И есть другая, та, что лишь кричит», - напишет Миркина. Кричащая истина – это истина взывающая к справедливости.

Отец Церкви Исаак Сирийский скажет: «Милосердие противоположно правосудию... И если правосудие на стороне правды, то милосердие на стороне греха». Такие слова режут наше ухо. Милосердие на стороне греха. Как такое может быть? Но это слова святого, а они всегда будут парадоксальны, как и слова Христа. «Не мир пришел Я принести, но меч». И этим мечом мы должны отсечь всё неподлинное в себе, всё ложное, а не утверждать свою правоту.

Другими словами о том, что милосердие на стороне греха, скажет современный христианский писатель Филип Янси: «Благодать несправедлива». А мы, вслед за Миркиной, добавим - Истина, которая поется, парадоксальна.

Мудрец Плотин называет Божественную сферу «творчеством высочайшего Ума». А высочайший Ум не находится в зависимости от общественного мнения. Бог не зависит от устоявшихся оценок того, что мы называем добром, долгом, благом, прогрессом, патриотизмом, счастьем, свободой, воздаянием, достоинством, справедливостью, героизмом, ответственностью, честью и т.д.. Категории этики никто не отменял, и мы должны ими руководствоваться, но есть нечто, что гораздо больше норм морали.

На картине Рембрандта «Жертвоприношение Авраама» ангел перехватывает руку ветхозаветного патриарха, и Авраам роняет нож. Левая рука ангела воздета, он указывает на небо, а мы скажем – на внутреннейшие небеса человека.

Почему Авраам препоручает жизнь своего сына Всевышнему? Да потому что всё, за что ты держишься, будет отнято. Всё, что ты отдашь Богу, вернется к тебе исцеленным и уже нетленным. А еще, всё препоручая Богу, Авраам выражает свою готовность встретиться с неизбежным без душевного ропота, то есть без болтовни нашего ума. В одной из авторских молитв Александра Меня есть такие слова: «Прости, что мы часто склонны к недовольству, ропоту, мрачному взгляду на мир». «Мрачный взгляд» и есть болтовня ума.

Философ Сёрен Кьеркегор предлагает отличать «религиозного человека», каким является Авраам, от «человека этического». «Этического человека» Кьеркегор называет *трагическим героем*. Персонаж «Ифигении в Авлиде» Агамемнон трагический герой, потому что мотивы его поступков хоть какой-то земной логике, но поддаются. Царь приносит в жертву свою дочь ради победы в справедливой войне. Трагический герой, принося жертву,

восстанавливает баланс в том мире, ресурсы которого ограничены. Рыцарь веры присягнул иному престолу: он причащается творчеству высочайшего Ума, по законам которого и создана душа. А ее нельзя исчерпать, ограничить, положить ей предел. Трагический герой печется о благоденствии *своего* мира, а рыцарь веры служит тому безначальном и бесконечному, что *не от мира сего*.

Рыцарь веры, жертвуя самым дорогим, что у него есть, пытается угадать волю сокровенного центра как Всеобщей души, так и своей собственной, которая уже не отделима от Всеобщей. Монах-доминиканец Саймон Тагуэлл писал: «Реки воды живой текут из нашего чрева. Новая жизнь истекает из самой нашей глубины; значит то, что не выражает нас, не выразит и Бога». По сути, тоже самое сказал современный учитель адвайты Муджи: «Важнее знать, кто ты, чем знать, кем является Бог. Потому что ты не можешь познать Бога, не познав своего собственного Я. (...) в поиске Бога каким-то удивительным образом ты обнаруживаешь свое собственное Я, ведь твое реальное Я не отделено от Бога. В конце концов ищущий сливается с искомым». А вот как удивительно сказал о том же самом Исаак Сириин: «Умиришь сам с собою, и умиряются с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клетку, и узришь клетку небесную, потому что та и другая — одно и то же, и входя в одну, видишь обе». Но если ищущий и искомое сливаются, если внутренняя клетка и клетка небесная - это одно и то же, то где тогда тот Бог, который может быть в чем-то виноват? Где тогда тот Бог, который может быть несправедлив? Такой Бог появляется только тогда, когда ты пытаешься представить Его *вне себя, как нечто отдельное от тебя*. И это легко сделать, потому что многовековая традиция религиозного фундаментализма помещает Бога *над тобой*. В Третьей книге Царств говорится, что Бог обитает на небе. Пророк Исаия свидетельствует о том, что Бог живет «в вышине». Пророк указывает на «возвышенное жилище святости и красоты». И метафора «Бог обитающий на небе» реализуется, становится

реальностью. Но где те небеса, на которых живет Бог? Разве они не в твоём сердце?

Творческая сила, которая неизмеримо больше нас, находится внутри нас. Это невозможно понять земным умом, нашим неглавным умом. Однако наш *главный* ум, пребывающий в Сердце, знал это всегда. Вот почему я сказал, что ангел на полотне Рембрандта, подняв руку и тем самым установив незыблемую вертикаль, напоминает о внутреннейших наших небесах...

Кто требует жертвы от аргосского царя Агамемнона? Богиня Артемида. Но что богиня охоты, покровительница рожениц даст взамен? Восстановленную честь древнего рода. Мотивы трагического героя понятны – он выбирает меньшее из двух зол. Умрет дочь Агамемнона, но царь победит в войне. Рыцарь веры не стоит перед подобным выбором. Да, Авраам страдает не меньше, чем Агамемнон, но страдания Авраама приведут его в обитель радости и покоя. В лице Сущего он обретет истинного отца, и сам станет для Исаака истинным отцом. Он дарует сыну духовное рождение. Трагический герой одерживает победу над врагом, а рыцарь веры – над самим собой. Рыцарь веры пытается угадать свою глубочайшую, бездонно-глубокую волю, а, значит, он должен перерезать ножом нить, соединяющую его с его поверхностной, эгоистической волей. Убивать Исаака для этого не нужно. Это было бы просто преступно. Повторяю, этические законы никто не отменял. Речь идет о другом. От того, кто верит в свое истинное «Я», требуется готовность отсечь ложное «я». Бог и проверяет эту готовность.

Вот и на долю героев поэмы «Рамаяна» выпадают испытания подробного рода.

Десятиголовый демон Равана похищает супругу Рамы по имени Сита, которая называет своего мужа богом, другом и гуру. Сита предана Раме настолько, насколько это вообще возможно. Равана не может принудить Ситу стать одной из его жен, но Сита довольно много времени проводит в замке десятиглавого демона. Рама убивает Равану в честном поединке и освобождает Ситу. Однако тень подозрения, упавшая на его верную жену,

омрачает радость встречи. Рама подвергает Ситу испытанию и серьезному. Сита входит в пылающий костер со словами: «О огонь, будь свидетелем моей непорочности и, если сердцем я всегда была верна Рама, защити меня!». И бог огня с черными, как смоль и сияющими, как солнце волосами выносит Ситу из костра на своих руках. Невредимую он вручает ее мужу. Вот доводы, которые приводит Рама: «Долгое время провела Сита в доме Раваны и потому должна была пройти это испытание перед лицом народа. Если бы я принял ее без этого испытания, люди говорили бы, что сын Дашаратхи, побуждаемый низменными желаниями, пренебрег законом. Я не сомневался в том, что сердце Ситы всегда принадлежало мне одному и что ее добродетель была лучшей защитой от посягательств Раваны. Она принадлежит мне, как солнцу принадлежат его лучи».

Не будем забывать, что Рама и Сита – это воплощение самих творцов Вселенной. Рама и Сита единое целое, которое не может усомниться в самом себе, но люди с омраченным сознанием, с мнением которых вынужден считаться Рама, всегда будут ставить под сомнение эту целостность, а, точнее, свою собственную целостность. Вот поэтому-то целостность и должна проверяться огнем.

Репутация Ситы спасена. Однако безупречному Рама этого мало. Царь по-прежнему, боится слухов и сплетен. Они печаливают лучшего из людей, ведь именно таким Рама предстает в поэме. Десятиголовый демон нанес рану, которая не заживает. И, спустя годы совместной жизни, уже беременную Ситу Рама вдруг отсылает от себя. Жена подчиняется воле мужа, на плечах которого лежит мир людей, животных и духовных существ. Рама пример для подражания. Ни одной червоточины не может быть ни в нем, ни в его браке. Вот тут-то и встает вопрос сугубо земного свойства. Справедливо ли поступил Рама по отношению к Сите, отослав ее к отшельникам? Несправедливо. А по отношению к своему народу? Справедливо. Ведь Рама выступает гарантом закона. Видимо, поэтому во всё его царствование, которое длилось десять тысяч лет, страна не знала ни

болезней, ни голода. Однако Рама пошел против самого себя и своей великой любви. Он не только продолжает любить Ситу, но и уверен в ее непорочности. Брат Рамы по имени Лакшмана пытается утешить своего царя. Лакшмана говорит о том, что не стоит привязываться к жене, сыновьям или друзьям, так как никто не вечен и разлука неизбежна. Справедливы ли слова Лакшмана о том, что наши тела не вечны? Справедливы. Но разве справедливо оттолкнуть от себя беременную жену, бесконечно любящую тебя и любимую тобой? Несправедливо. «Увы мне! – восклицает Сита. – Должно быть, я много грешила в прошлой жизни, раз в этой мне суждена разлука с моим господином». Справедливо ли Сита упрекает себя? Кто сможет ответить на этот вопрос? Но перед тем как смириться со своей участью и с достоинством перенести все испытания, она признается: «Никогда в моих мыслях и сердце не было никого, кроме Рамы». За признанием Ситы скрывается и второй смысл. Она словно бы говорит: «Никогда в моих мыслях и сердце не было никого, кроме Бога». Вот насколько цельной натурой является супруга Рамы. Но в лесу, еще до того как десятиголовый Равана похитил Ситу, ей приглянулся золотой олень. Его облик принял один из родственников Раваны. Сита не распознала в грациозном животном демона. Хитростью Равана заставляет Раму и его брата покинуть Ситу, после чего пленяет ее.

Убив предводителя демонов Равану, царь Рама скорбит по нему вместе с соратниками Раваны, ведь смерть десятиглавого ракшасы положила конец их вражде. Справедлив ли Рама? Справедлив. Повержен могучий противник. Не устраивать же танцы на его костях? Упиваясь победой над злом, можно ненароком его возродить, но уже в другом обличье. Рама справедлив ко всем, кроме Ситы. А ведь Сита – это его душа. Но такая категория этики как справедливость по отношению к творчеству высочайшего Ума непригодна, по отношению к рыцарю веры неприменима.

Заканчивается «Рамаяна» возвращением Ситы из изгнания. Однако несчастную по человеческим меркам Ситу ждет новое и последнее

испытание. Она снова предстает перед Рамой и его подданными в качестве обвиняемой, хотя ее уже никто и не обвиняет. Сита призывает в свидетели своей непорочности саму Мать-Землю. Богиня земли обняв Ситу и усадив ее вместе с собою на огромный трон, украшенный самоцветами, скрывается вместе с Ситой в земных недрах. Раздаются слова: «Сита невинна и чиста, и благодаря своей добродетельности отправилась она в подземную обитель...». И в этот момент охваченному скорбью и даже гневом Рама напоминают о его божественном происхождении. «Ты – Вишну», - говорит царю Брахма. А заканчивает Брахма свою речь следующими словами: «Не печалься, о великий воин. На небесах ты снова обретешь свою Ситу и вместе с нею - бессмертие и вечное блаженство». Так заканчивается «Рамаяна». Сита невинна и чиста, потому что невинна и чиста душа, какой она задумана силой ее создавшей. Однако душа способна и омрачаться, принимать демона за золотого оленя, терять саму себя из виду...

Приведем удивительный комментарий Антония Сурожского к роману Жоржа Бернаноса «Дневник сельского священника». Этот роман в 1950-ом году экранизировал Робер Брессон. «Молодой священник умирает от рака и бессилен, в общем, явить свет, у него нет слов, у него нет сил. Каждый раз, когда он стремится что-то довести до сознания собеседника, у него силы сокрушаются. Как-то он беседует по пути с молодым офицером, и тот ему говорит: «Нас так поражает живущий в вас молитвенный дух». Молодой священник с отчаянием отвечает: «Да этого-то у меня и нет! Я всю жизнь отчаянно к этому рвусь и не могу достичь!» И офицер ему отвечает: «Вот это-то мы и ощущаем, и это нас убеждает больше, чем если бы вы были святой, потому что этого мы, может быть, не заметили бы»...

Охвачен скорбью и гневом Рама, отчаивается молодой кюре, но только лишь потому, чтобы мы застали душу за работой, чтобы мы увидели как мучительно она пытается отделить себя от всего того, чем не является, как она старается узнать саму себя и как жаждет вернуться к самой себе. Ведь

именно это и произойдет с Рамой и Ситой, но уже на их небесной родине, которая не знает раскола, и в которой Рама и Сита никогда не расставались.

Демон Равана – иллюзия. В том, что у нашего ложного «я» десять или десять тысяч жизней сомневаться не приходится. А еще у него двадцать рук для восстановления справедливости, как он ее понимает.

Источником страдания может быть не только невежество. Страдает и безгрешная целостность, страдает Сита, верная душа. Однако верная душа, страдая, радуется тому, что ее создатель ни на мгновение не выпускает ее из своих рук. Душа радуется тому, что Создатель продолжает творить ее, и она, становясь художником своих состояний, творит себя, уподобляясь Ему. А душа не пробудившаяся, страдая, испытывает чудовищное одиночество. Но она в поисках себя не выходит за пределы самой себя. Потому что она не устремляется к своему центру, к своему Источнику. Напротив, она извлекает какую-то непонятную выгоду от разлуки с Источником.

Здесь следует упомянуть еще один важный поворот «Рамаяны». Прежде чем послать за Ситой, которая продолжает жить среди отшельников, Рама поручает узнать не откажется ли Сита снова «прилюдно поклясться в своей невинности». И Сита безропотно соглашается. Удивительна реакция Рамы. Узнав, что Сита готова пройти испытание, он обрадовался и повелел готовиться к церемонии. Новое испытание и станет для Ситы последним в этом мире. Как же несправедлив Рама, воскликнем мы. Не довольно ли ему? Он еще и обрадовался. Но он обрадовался радостью Бога, который ждет от нас нового рождения. Рождения в Духе.

Категориям этики сопутствуют психологические мотивировки, но мы не найдем их в «Рамаяне». Не найдем мы их и в сюжете жертвоприношения Авраама. И Рама и Сита – рыцари веры. Они не трагические герои. Рыцарь веры взыскует целостности вопреки здравому смыслу. Трагический герой печется о восстановлении справедливости, которая, к сожалению, в любой момент может обернуться мстостью, сведением счетов.

Мы хотим, чтобы Бог воздал каждому по его делам. Но хотим ли мы, чтобы Бог всегда и во всем поступал справедливо по отношению к нам? «Спаси, сохрани и помилуй меня...» - вот что Бог слышит от нас. Филипп Янси напоминает: «Бог раздает дары, а не распределяет плату. Ни один из нас не получает по заслугам, ибо все мы далеки от идеала. Если бы с каждым расплачивались по справедливости, ад бы давно переполнился».

Рыцарь веры не помышляет о возмездии. А если подобные мысли посещают его, значит он начинает примерять доспехи трагического героя. Сложность образа Дон Кихота состоит в том, что, будучи в душе рыцарем веры, он часто ведет себя как трагический герой. Разрывается между этими двумя призваниями и князь Мышкин. Душа князя чиста, князь – ангел во плоти, но желание поступать справедливо, приводит ангела к человекоугодничеству, которое оборачивается безумием.

Справедливость является обещанием свободы для индивидуальности и признанием всех ее прав. Однако возникает вопрос. Восстановив справедливость, станет ли индивидуальность искать «безграничного Существования»? Вытекает ли одно из другого? Едва ли. Эрих Фромм был серьезно озабочен положением вещей, сложившимся на Западе после Второй мировой войны. Победив фашизм, западный человек столкнулся с новой формой обезличивания – с обществом потребления, которое пестуя толпу в индивидуальности, убивает наше вечное «Я».

Часто устанавливают прямую связь между Богом и справедливостью: Бог - Справедливый Судья. Бог - Могущественный Судья. Однако редко когда задумываются над тем, что под справедливостью Бога подразумевается Его бездействие. Бог никогда не берет чью-то сторону. Можем ли мы назвать подобную позицию справедливой по отношению к нам, отчаянно нуждающимся в Его покровительстве и защите? В этом пункте «этический человек» Кьеркегора взбунтуется, а религиозный человек обнаружит Божий замысел, который непостижим этическим умом.

Бог действительно справедлив, но ко всем. Все мы Его дети, составляющие единое Целое. И чтобы мы ни сделали, Он будет безустанно изливать на нас Свою любовь. Даже если мы распнем Его. Вот почему творчество высочайшего Ума нельзя свести к области морали, хотя такие заповеди как почитай родителей, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, не желай чужого начертаны на скрижалях Завета. Но одно дело соблюдать заповеди из страха перед наказанием, перед болью, которую тебе причинит Бог, и совсем другое дело - из страха причинить боль Богу.

Зинаида Александровна говорила: «Победить дьявола, значит победить ненависть». Если ты готов начать борьбу за правое дело, не захлебываясь ненавистью, не ожесточая сердце, то борись, отстаивай правду. Но, если ты заключишь союз с ненавистью, прикрывшись высокой идеей, тогда ты позволишь дьяволу заполучить тебя. Григорий Соломонович отвечал на вопрос что делать со злом так: «Бороться со злом. Но не до того, чтобы разбить зеркало тишины. В него смотрится Бог». Померанцу вторила Миркина, когда говорила, что слишком рьяная борьба за правду нарушит тишину души.

Истина, которая поется, и зеркало тишины, только они и могут одолеть зло. Мы никогда не установим равновесия между деянием и воздаянием, наше требование справедливости повиснет вопросом к Богу. И этот вопрос будет подтачивать наш корень. Но мы можем обрести мир в своей душе, стяжать Духа Святого, умириться с самими собой. Это не означает бездействия. Не надо так думать. Если кто-то зовет на помощь, нужно придти и помочь. И за свободу нужно бороться. Но за свободу Бога в нас, а не за свободу дьявола. Очень легко подменить стяжание Духа Святого борьбой со внешним злом. И очень трудно прославлять Жизнь несмотря ни на что. Но нет ничего важнее этого.

Истина, которая поется, не должна потонуть в кричащей истине. Таково тихое наставление Миркиной. Однако услышит его не каждый. И

снова будут звучать вопросы – а как быть в этой или в той ситуации? Как поступить? Что делать?

Для начала нужно принять Божью пищу, и только потом действовать.

Повторим строки, которые в этих стенах уже ни раз звучали:

Ах, Марфа, Марфа, погоди немного.

Накормит Бог, и ты накормишь Бога.

И только тогда через нас будет восстанавливаться по крупицам высшая справедливость. Именно по крупицам. Вот к чему призвана душа. В этом и состоит работа любви...

Свою духовную дочь Милу Филатову, которая сейчас проживает в Америке, Зинаида Александровна неизменно называла Милочкой. 21 сентября я получил от Милы письмо. «Прошел год с тех пор, как Зиночка ушла! Зиночка и ее стихи открывали мне такой свет, такое мощное духовное пространство, в котором так легко было расправить крылья и быть. Она словно открывала туда дверь. Без неё мне трудно. Хотя она всегда рядом, я обращаюсь к ней, и она отвечает. Но как же трудно открывается дверь без Зиночки».

Это правда, трудно. Нам всем трудно... И, тем не менее, отвечая Миле, я закончил письмо так. «Станьте открытой Дверью, и тогда не надо будет ее открывать»...

Будем честными до конца. Ведь именно этого и желала Зинаида Александровна всею душой.

Сентябрь 2019